

Украинцы	—40 а. л.
Белорусы	—35 а. л.
Молдаване. Гагаузы	—40 а. л.
Болгары. Поляки. Словаки. Чехи. Греки. Немцы	—25 а. л.
Албанцы. Венгры. Евреи. Караимы. Румыны. Цыгане	—25 а. л.
Азербайджанцы	—35 а. л.
Армяне	—35 а. л.
Грузины	—35 а. л.
Дагестанские народы	—35 а. л.
Чеченцы. Ингуши. Осетины. Ногайцы. Карачаевцы. Балкарцы	—35 а. л.
Адыги. Абазыны. Абхазы. Убыхи.	—35 а. л.
Курды. Ассирийцы. Талышы. Таты. Удины. Крызы. Будуги. Хиналуги	—25 а. л.
Казахи	—35 а. л.
Киргизы	—35 а. л.
Узбеки. Каракалпаки	—50 а. л.
Туркмены	—35 а. л.
Таджики. Памирцы	—40 а. л.
Дунгане. Арабы. Белуджи. Джемшиды. Корейцы. Турки. Уйгуры. Ирани	—25 а. л.
Непцы. Энци. Нганасаны. Селькупы. Долганы. Кеты. Ханты. Манси	—40 а. л.
Якуты. Буряты. Тувинцы. Хакасы. Алтайцы. Шорцы. Тэфы. Чулымцы. Сибирские татары	—50 а. л.
Эвенки. Эвены. Нанайцы. Удэ. Ульчи. Орочи. Ороки. Негидальцы	—35 а. л.
Чукчи. Коряки. Кереки. Ительмены. Юкагиры. Чуванцы. Алеуты. Эскимосы. Нивхи	—35 а. л.
СССР — страна и народы	—50 а. л.

Остался открытым вопрос о том, в каких томах будут помещены разделы о крымских татарах и турках (месхетинцах).

Л. И. Миссонова

© 1990 г.

ДВЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ОНОМАСТИКЕ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ В. А. НИКОНОВА

В 1989 г. состоялись две конференции по ономастике: в Орджоникидзе — Первая конференция по иранской ономастике (апрель) и в Волгограде — Шестая конференция по ономастике Поволжья (сентябрь). Обе конференции были посвящены памяти известного советского ученого, почетного члена Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО, исследователя ономастики В. А. Никонова. Подготовка конференций началась еще при жизни ученого. Он был инициатором их проведения, руководил их организацией. Но случилось так, что проходили конференции уже без него. Однако имя этого неординарного человека, неутомимого труженика науки звучало и в докладах его многочисленных учеников и коллег, и во время их неофициальных встреч.

Первая конференция по ономастике ираноязычных народов, организованная Группой этнической ономастики ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом, прошла 19—20 апреля 1989 г. в г. Орджоникидзе.

В ее работе участвовали ученые из Москвы, Орджоникидзе, Баку, Кызыла, Цхинвали, Душанбе. К сожалению, многие ученые из Азербайджана и Грузии — специалисты по ираноязычным народам — не смогли приехать в Орджоникидзе. На пленарных и секционных заседаниях были заслушаны доклады и сообщения по важным проблемам ономастики ираноязычных народов.

Проблемы этнической ономастики в трудах Владимира Андреевича Никонова были освещены в совместном докладе Р. Ш. Джарылгасиновой, Дж. Б. Логашовой, Т. П. Федяиной и ч (Москва) «В. А. Никонов и проблемы этнической ономастики». В докладе было подчеркнуто,

что ученый разрабатывал различные направления ономастики и фактически стал основателем нового направления — этнической ономастики. Одна из главных работ В. А. Никонова — книга «Имя и общество», награжденная медалью ВДНХ — посвящена исследованию личных имен, фамилий и других видов антропонимов различных народов на протяжении большого исторического периода. В «Предварительных замечаниях», открывающих книгу, В. А. Никонов подчеркивал, что первый закон антропонимики, как и всей ономастики, — историзм. Поскольку личные имена существуют только в обществе и для общества, оно диктует выбор личных имен, какими бы индивидуальными они не казались. Следовательно, все личные имена социальны. В разделе книги «Личное имя — социальный знак» Владимир Андреевич отмечает, что хотя антропоним социален исторически, в самом имени не заложено ничего предопределяющего его социальную роль; антропонимия, как и правовые институты, может реагировать на социальные сдвиги не тотчас, а с запозданием, иногда немалым; социальная обусловленность антропонима сложна, нередко она многоступенчато опосредована: некоторые антропонимические процессы вызваны внутриязыковыми или даже внутриантропонимическими, т. е. зависят от истории общества только в конечном счете, через много промежуточных звеньев. Владимир Андреевич неоднократно указывал, что изучение системы личных имен необходимо в качестве источника для таких наук, как история, этнография, лингвистика, ибо в личных именах отразилась история народов, их быт, социальный строй. Почти все религии, уловив ценность имени как социального знака, присвоили монопольное право давать имя, придав этому акту религиозный характер и превратив личное имя в символ принадлежности носителя имени к данной религии. Много внимания В. А. Никонов уделял анализу антропонимических систем разных народов — русских, арабов, грузин, тюркских и многих других. Ему удалось показать через изменения в именнаяречении сложные национальные процессы, проходящие в различные исторические периоды.

Огромна роль ученого как организатора науки. К работе по проблемам ономастики (например, по ономастике Средней Азии, Кавказа, Поволжья) ему удалось привлечь огромное число исследователей, вдохновить их на разработку малоисследованных проблем ономастики и способствовать внедрению их результатов в практику. Как говорилось в докладе, только перечень вопросов, поставленных на ономастических конференциях: пути развития антропонимии, топонимии и этнонимии в качестве источников по изучению этнической истории народов — вопросы теонимии, космоимии, зоонимии — показывает не только широту научных интересов Владимира Андреевича Никонова, но и то, что в названных регионах практически не осталось народов, по которым не велись бы исследования в области ономастики. Сам ученый выступал с блестящими эмоциональными докладами, например, «Формы среднеазиатских фамилий», «География фамилий — этноистория грузин», «Общие вопросы ономастики. Проблемы и ошибки», «Имя и общество» и др.

На конференции кроме заглавного доклада были заслушаны свыше двадцати докладов и сообщений. По многим из них развернулись оживленные дискуссии.

Основные направления развития и задачи осетинской ономастики были раскрыты в докладе Т. А. Г у р и е в а (Орджоникидзе). Докладчик охарактеризовал многочисленные исследования по вопросу о происхождении нартовского эпоса, по этимологии личных имен, названий осетинских родов, содержащихся в этом эпосе. Докладчик привел историографический обзор специальных работ и обосновал свою точку зрения на хронологию возникновения тех или иных ономов нартовского эпоса.

В докладе Т. Н. П а х а л и н о й (Москва) «К этимологии осетинского этнонима *Asy // As(s)i*» была сделана попытка историко-лингвистического осмысления осетинского этнонима *Asy // As(s)i*, которым осетины называют соседних балкарцев. Несмотря на различные точки зрения относительно происхождения данного этнонима, все специалисты единодушны в том, что *Asy // As(s)i* — это древнее самоназвание осетин. Учет историко-фонетических чередований согласных, а также явлений умлаута, свойственных осетинскому языку (как и другим иранским языкам), позволил Т. Н. Пахалиной высказать предположение, что осетинское *as-*, *yas*, *-sas* (в *dux-sas* и *dax-sas*, *h*-перс. *os*-, груз. *os // ovs*, а также ос. *wa / os*, *wa / os*) — все это рефлекс фонетических вариантов древнеиранского корня с первоначальным значением «община, род, племя», превратившиеся со временем в этнонимы, родственные древнеиранскому «*saka*»-«саки».

Осетинская ономастика в историко-этимологическом словаре осетинского языка, составленном В. И. Абаевым, была проанализирована Е. Б. Б е с о л о в о й (Орджоникидзе). Она отметила, что в словаре приводится корпус названий божеств, анализируется историзм возникновения того или иного названия, подробно характеризуются быт и культура осетинского народа и на основе многообразного материала делается вывод, что о христианизации осетин можно говорить лишь условно.

Доклады, посвященные различным разделам иранской ономастики — топонимии, этнонимии, антропонимии были сделаны на специальных секционных заседаниях.

С. М. Алиев (Москва) в сообщении об ираноязычных топонимах Северного Азербайджана проанализировал распространенность топонимов с формантами *кала*, *кеде* и высказал предположение, что топонимы с «кала» возникли в восточных районах Азербайджана и распространились затем на его запад, где больше известны топонимы с формантами *диз*, *деж*. Тюркские названия преобладают в равнинных местах, а на побережье Каспия сохранилась ираноязычная топонимия.

М. М. Аскеров (Баку) в сообщении «Семантика талышской топонимии Азербайджана» показал, что среди талышских топонимов десятки, оканчивающихся на «*абад*» и «*кент*», «*кянд*». Докладчик подчеркнул, что, как и у других народов, талышские топонимы могли быть образованы от имен, фамилий, от названий растений, от этнонимов. Нередко топонимы имели религиозную окраску.

Х. Л. Ханмагомедов (Кызыл) рассказал об ираноязычных топонимах юго-восточного Дагестана. Он отметил, что среди ираноязычных терминов значительно распространены такие, как «*махля*» — квартал, «*кала*» — крепость, стан, страна, область, «*бенд*» — запруда, проход, «*пир*» — святой. Наиболее активной является форма «*махля*», которая встречается в разных формах: махле, мехле, мехля, мягьял, мягье, магал — в лезгинском, азербайджанском, табасаранском, рутульском, цахурском и лакском языках. Докладчик остановился также на этимологии топонимов «*Дербент*», «*Мюшкюр*».

Р. Х. Додыхудоев (Душанбе) в сообщении «Слова *kala*//*kalay* и *gal'a* в топонимии Афганистана» рассмотрел место упомянутых форм в системе географических названий Афганистана и на основе историко-фонетических данных этих форм, а также частотности их употребления сделал вывод об восточноиранском происхождении термина «*kala*».

Проблемам афганской ономастики было посвящено сообщение Б.-Р. Логашовой (Москва), в котором говорилось о необходимости при транскрибировании топонимов учитывать фонетические особенности языков — иранских, тюркских, индийских, распространенных на территории Афганистана; отмечалась важность изучения народной этимологии и особенностей номинации перевалов, пастбищ, мест, изобилующих водой. Докладчица отметила важность использования в качестве источников по ономастике Афганистана таких трудов, как «*Камуси-и джуграфийи-и Афганистан*» («*Географический словарь Афганистана*»), Бурхан-уд-Дин хан Кушкеки «*Каттаган и Бадахшан*», Мир Гулам-Мухаммед Губар «*Афганистан дар масир-и тарих*» («*Афганистан на пути истории*») и др.

Интересные доклады были посвящены антропонимическим системам ираноязычных народов.

Динамика женской антропонимии таджиков в 1920—1960 гг. (на материале Аштского района Ленинадской области) была рассмотрена в сообщении Ш. Хайдарова (Душанбе). На основе частотных подсчетов женских имен показано богатство набора личных имен среди иранских народов. Изучение динамики антропонимов показывает, что в последние десятилетия вытесняются сложные имена и имена, включающие в себя традиционные компоненты и окончания, и все чаще встречается употребление простых и благозвучных имен. Докладчик предложил всем исследователям ономастики ираноязычных народов приступить к составлению «Справочника личных имен ираноязычных народов мира», двух словарей: «Частотный словарь личных имен ираноязычных народов СССР» и «Частотный словарь личных имен ираноязычных народов мира», а также «Библиографии ономастики ираноязычных народов».

С сообщением «О происхождении фамильного имени Алагата» выступил Ю. С. Гаглойти (Цхинвали). Он указал, что нартское фамильное имя Алагата считается западнокавказским, а его основа связывается с корнем *лат* (человек), который считается унаследованным из кавказского субстрата. Однако, по мнению докладчика, имеющийся материал не подтверждает этот вывод, а развите термина «лат» от этнического к социальному свидетельствует об обратном процессе.

Паштунские антропонимы — предмет исследования Р. Х. Додыхудоева и С. Мерганова (Душанбе). Они проанализировали только те индивидуальные имена, которые связаны с паштунской апеллятивной лексикой, выделили семантические группы этих имен и их структурные модели.

Вариативность осетинских фамильных названий рассматривалась в докладе З. П. Тотровой (Орджоникидзе). Было указано, что несмотря на то, что некоторые ученые не признают вариативности фамилий, а объясняют ее только орфографией, докладчица согласна с В. А. Никоновым, писавшим: «Установление фамилий как распространенной по всему миру антропонимической категории, главной в системе личных имен, совсем не означает их унификацию. Историко-этнографичес-

кие различия народов и различия языков, а также неодинаковые пути формирования языков, переплетаясь, обусловили пестрое многообразие их у разных народов мира».

Осетинские фамилии — *мыггаг* — подобно фамилиям многих других народов Кавказа представляют собой родственную группу, состоящую из одной или нескольких патронимий, ведущих свое происхождение от общего предка. Таким образом, все однофамильцы у осетин, помня о своем общем происхождении, считают себя кровными родственниками и поддерживают экзогамные отношения. Поэтому есть основания считать такие пары фамилий, как Карсантое (Карсантаое), Уртатое (Уыртатое), Дзидзойтое (Джидждойтое), Джитое (Гиотое) не разными фамилиями, а графическими вариантами фамильных названий. З. П. Тотрова рассмотрела также основные причины появления графических вариантов осетинских фамильных названий.

С докладом «К вопросу об антропонимии нартовского эпоса» выступил А. Р. Чочиев (Цхинвали). По этому докладу развернулась оживленная дискуссия.

Ю. А. Дзидцойты (Орджоникидзе) в сообщении «К вопросу о скифо-сарматском наследии в топонимии нартовского эпоса осетин» привлек внимание к необходимости продолжения исследования ономастики нартовского эпоса и выделения скифо-сарматского пласта в топонимии. Было отмечено, что сохранение скифо-сарматских этнонимов в нартовском эпосе в виде фамилий заставляет по-новому подойти к объяснению одной из нартовских фамилий *Saumgatā*, *Sawmagatā*, встречающейся в нартовском эпосе также в форме *Sawmagon*. Эту фамилию Ж. Дюмезиль делит на *saw* — «черный» и *mār* — «земля — почва». В докладе была дана этимология фамильного имени *Astā* груз. *osi*, русск.-осетин., а также рассмотрены этимологии многих топонимов и гидронимов.

Л. Х. Давыдова (Нальчик) в сообщении «Модели татских антропонимов» рассказала о первом опыте сбора и систематизации антропонимической лексики (имена, фамилии, прозвища) и выделении пласта лексики, функционирующей как собственные и нарицательные названия. Докладчица обратила внимание на то, что значительное число имен с точки зрения современного состояния татского языка непереводимы, привела этимологии некоторых имен и выделила структурные модели антропонимов татского языка.

Т. А. Гуриев (Орджоникидзе) рассказал о судьбе скифского теонима *Табити*. В осетинской языческой традиции постоянно упоминается «семь богов», «семь авднумов» и в этом сохраняется индоиранская семибожная традиция. По мнению В. И. Абаева, каждый из индоиранских народов заполнил эту семибожную схему содержанием, соответствующим уровню его хозяйственного, социального и культурного развития. Т. А. Гуриев высказал гипотезы о возведении имени женского божества Сафа к Тапати // Табити и об исчезновении в пантеоне осетин женских божеств.

Конференция по ономастике ираноязычных народов была первой. Дирекция Северо-Осетинского научно-исследовательского института сделала все возможное для успешной ее работы. Участники конференции выразили благодарность за создание хорошей рабочей обстановки и организацию экскурсий. Оргкомитетом была определена программа дальнейших исследований по антропонимике, топонимике, этнонимике, теонимике, космонимике ираноязычных народов и высказано пожелание о периодическом проведении подобных конференций.

* * *

Б.-Р. Логашова

26—28 сентября 1989 г. в Волгограде проходила 6-я конференция по ономастике Поволжья, организованная Группой этнической ономастики ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Волгоградским ордена Знак Почета Государственным педагогическим институтом им. А. А. Серафимовича и Волгоградским отделением Советского фонда культуры. Конференция была посвящена памяти известного советского ученого В. А. Никонова (1904—1988), основателя и организатора пяти предыдущих Поволжских ономастических конференций.

В работе конференции приняли участие свыше 70 специалистов из более чем 30 городов СССР, впервые в подобной конференции участвовали ученые из ГДР, ЧССР, КНДР, СРВ.

Продолжая традиции проведения Поволжских ономастических конференций (1-я конференция по ономастике Поволжья проходила в 1967 г. в Ульяновске), организаторы 6-й конференции внесли в ее работу и новые моменты. Так, были привлечены исследователи не только из Поволжья, но и из Белоруссии, Средней Азии и Украины. Доклады, с которыми они выступали, освещали белорусско-поволжские, украинско-поволжские, среднеазиатско-поволжские параллели в антропонимии,

топонимии, урбанонимии, зоонимии, а также общие вопросы ономастики. По сравнению с предыдущими, на 6-й конференции была представлена и более широкая тематика, в частности, в ряде докладов была показана роль ономастической лексики при обучении иностранцев русскому языку. Кроме того, впервые к открытию конференции были опубликованы тезисы докладов ее участников¹.

На конференции работало несколько секций, состоялось два пленарных заседания.

Открыл конференцию проректор Волгоградского государственного педагогического института В. И. Супрун. Ее участники минутой молчания почтили память основателя и организатора предыдущих ономастических конференций В. А. Никонова.

Профессор Л. М. Орлов, обратившийся к участникам конференции, от преподавателей Волгоградского педагогического института напомнил собравшимся, что ономастическая школа существует в институте со дня его основания. Долгие годы куратором ее работ был В. А. Никонов.

Стажер из КНР Ян Гуйхуа говорила о важности использования материала по ономастике в практике преподавания русского языка иностранным студентам.

С приветствием от Международного комитета ономастических наук к участникам конференции обратился член комитета профессор К. Хенгст (ГДР, Цвиккау). Он рассказал о большом интересе ученых ГДР к трудам В. А. Никонова, к развитию ономастики в Советском Союзе.

После открытия конференции состоялось первое пленарное заседание. На нем было заслушано 5 докладов.

В докладе Р. Ш. Джарылгасиновой, Дж. Б. Логашовой, Т. П. Федянович (Москва) «Вклад В. А. Никонова в развитие советской ономастики» подчеркивалось, что проблемы ономастики занимали центральное место в творчестве выдающегося советского ученого. Значителен его вклад в изучение топонимии, антропонимии, этнонимии, космонимии. В разработке многих проблем В. А. Никонову принадлежит честь быть первооткрывателем. Он способствовал формированию новых направлений, внедрил новые методы исследования, вводил в научный оборот новый круг источников. Велика роль В. А. Никонова как организатора науки, огромен его вклад в дело подготовки научных кадров.

В. Д. Бондалетов (Пенза) в докладе «В. А. Никонов и современная антропонимическая теория» отметил, что ученый, войдя в ономастику в 50-е годы, быстро стал одним из ведущих ономастологов мира. Широко был круг его ономастических интересов. Для работ В. А. Никонова характерно широкое использование источников, развитие общей и специальной теории. Для современной общеономастической и антропонимической теории ценны и актуальны многие положения, выводы, наблюдения и открытия ученого: например, о социальности и историчности имени человека; о том, что имя собственное — часть языка и подчиняется его законам, о «заcone ряда» (имя не только дифференцирует, но и вводит в ряд) и др.

В. Ф. Барашков (Ульяновск) выступил с докладом «Речная гидронимия Ульяновско-Куйбышевского Поволжья», где показал, что для гидронимии изучаемого региона характерны именованья из разных языков, при заметном преобладании русских гидронимов тюркского происхождения.

Г. Ф. Саттаров (Казань) в докладе «Этнонимы волжских татар в топонимии Среднего Поволжья» говорил об отражении в топонимии и особенно в этнотопонимии Среднего Поволжья разнообразных межэтнических взаимоотношений и взаимовлияний волжских татар с соседними народами.

В докладе Г. П. Самойлова и В. И. Супруна (Волгоград) «Происхождение названий „Царицын“, „Царица“: новая версия» высказано предположение о том, что этимологию наименования Цицара (Сисара), Зизара (Зизера) следует искать в языке одного из сарматских или савроматских племен.

Успешно работала секция «Этнонимия». О. А. Султаньяев (Кокчетав) в докладе «Исторические сведения о волжских тюркских племенах в сочинениях Ч. Валиханова» высказал мнение, что данные об этногенезе тюркских племен, живших по Волге и Уралу, содержащиеся в трудах казахского этнографа, историка, географа Ч. Валиханова, не утратили своей ценности и в наши дни. М. Г. Усманова (Уфа), выступившая с докладом «Следы средневековых этнонимов в топонимии Сакмарского бассейна» остановилась на некоторых из выявленных ею более пятидесяти этнонимов, в том числе названий племен, родов, народов, участвовавших в топонимобразовании Сакмарского бассейна. Эти данные свидетельствуют о чрезвычайном разнообразии и сложности этнического состава населения указанного региона, его изменении, миграциях, контактах между племенными объединениями и народами в прошлом и настоящем. Н. И. Егоров (Чебоксары) в док-

ладе «Этнонимы древних тюркских племен огуро-булгарского круга (Опыт историко-этимологического изучения)» предпринял попытку критического анализа известных версий ряда этнонимов — авары (абары, обры, апары), акациры, булгары, кутригуры, огуры (огузы) и др. — с привлечением всех доступных исторических источников. Этот материал, по мнению докладчика, дает возможность несколько по-новому осветить древнюю и раннесредневековую историю тюркоязычных племен огуро-булгарского круга. Н. Г. Гордеева (Кемерово), выступившая с докладом «Типы наименований жителей в диалектной речи», провела сопоставительный анализ наименований жителей в разных говорах Кемеровской области и в речи сельских жителей Поволжья. Докладчица пришла к выводу, что основные семантические и словообразовательные типы наименований жителей в говорах Кемеровской области и Поволжья одинаковы, т. е. тематическая группа наименований жителей носит наддиалектный характер.

Доклады по антропонимии были заслушаны на секциях «Тюркская антропонимия», «Русская антропонимия», «Антропонимия». Интерес слушателей, многочисленные вопросы и живое обсуждение вызвали доклады по антропонимии Тверского края: И. М. Смирновой (Калинин) «Реконструкция диалектной лексики по фамильным именованиям (на материале тверских памятников XVI в.)» и Т. А. Закачкиной (Андижан) «Антропонимия тверских десятиен». Большой интерес вызвал также доклад Л. П. Калакуцкой (Москва) «Стилистическая стратиграфия личных имен в русском литературном языке XIX—XX вв.». В нем рассматривалась каноническая, литературная (светская) и народная формы личных имен, которые в XIX и XX вв., по мнению докладчицы, отражали культурную и социальную ситуацию в стране. В докладе Е. Л. Гвоздевой и Е. А. Охомуш (Николаев) «Образование и функционирование мужских календарных имен с суффиксом *-ец, -иц (а)* в русской деловой письменности XIV—XVI вв.» были рассмотрены мужские календарные имена, зафиксированные памятниками деловой письменности Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Доклад Э. В. Копыловой (Астрахань) «Женские имена Астраханской области (структура, динамика 1900—1970 гг.)» посвящен выявлению закономерности изменений женского именика в сельской местности Астраханской области на протяжении 70 лет. Слабо изученной теме «Ономастические номинации семьи в русских говорах» посвятила доклад З. П. Никулина (Кемерово). Среди народных ономастических номинаций семьи докладчица выделила неофициальные (уличные, подворные) фамилии и семейно-родовые прозвища, которые, имея много общего в ономастиологическом аспекте, значительно различаются в семантике, структуре и грамматическом оформлении, в функциональной «загруженности». В докладе С. М. Малиновской (Томск) «Источники по исторической антропонимии Крайнего Севера (на материалах нарымских селькупов)» была дана характеристика таких источников, как списки ясачных плательщиков, ревизские переписи, записи о крещении и другие документы центральных и местных архивов. А. В. Менжинская (Минск) в докладе «Антропонимы и топонимы французского происхождения в бытовой лексике русского и белорусского языков» отметила, что имена собственные французского происхождения, подвергшиеся фонетической и морфологической адаптации в новой языковой среде, занимают довольно большое место в бытовой лексике русского и белорусского языков. В докладе Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва) «Оттопонимическое имя корейцев (по материалам полевых исследований среди советских корейцев)» была охарактеризована корейская антропонимия, показано соотношение каждой фамилии с конкретными оттопонимическими именами, которые обозначаются термином *пон* (диал. *пони, пон*) — «корень», «основа», «исток», «начало» и восходят к наименованиям мест, откуда якобы ведут свое происхождение носители фамилий. На особенностях модификации двусловных личных именований «имя + отчество» в речи детей дошкольного возраста остановилась Г. Р. Доброва (Ленинград) в докладе «Двусловные личные именования „имя + отчество“ в речи детей дошкольного возраста (семантический и словообразовательный аспекты)».

В докладе Б. Р. Логашовой (Москва) «Имя как социальный знак» показано, что социальная обусловленность антропонима нередко может быть многоступенчато опосредована; антропонимия часто реагирует на социальные сдвиги не тотчас, а иногда с немалым запозданием, антропонимические модели переживают ту социальную базу, которая их породила. Л. П. Петров (Чебоксары) в докладе «Чувашские обычаи и обряды, связанные с личными именами» на материале архивных источников и данных своих полевых исследований рассмотрел мотивы наречения имени у чувашей в прошлом, традиции преемственности дохристианского чувашского антропонимикона, процесс адаптации христианских имен в чувашской среде.

Э. А. Бегматов (Ташкент) на основе анализа 300 узбекских мужских и женских имен показал роль этически-воспитательных мотивов в современных узбекских антропонимах.

В докладе М. В. Орел (Кемерово) была прослежена специфика ономастического компонента в составе устойчивых сочетаний в русских говорах Сибири, а также его роль в образовании этих словосочетаний, в формировании их семантики.

Актуально прозвучали многие доклады секции «Топонимия». Так, в докладах И. А. Родионова (Ижевск) «Отражение интернациональной символики в названиях сельскохозяйственных коллективов Удмуртской АССР», Г. В. Еремина (Москва) «Об изменении названий селений Пензенской области», А. Н. Карпова (Тула) «Топонимическая карта Нижнего Поволжья в лингво-историческом аспекте» говорилось о необходимости бережного отношения к исторически сложившимся наименованиям населенных пунктов, колхозов и совхозов, о недопустимости непродуманных массовых их переименований.

В докладе А. М. Мамедова, Н. Я. Мингбаева (Гулистан, УзССР) «Миграционные топонимы в Сырдарьинской области Узбекской ССР» отмечено, что на изучаемой территории, которая с конца XIX в. стала активно заселяться русскими крестьянами, часть топонимов носит миграционный характер, т. е. эти названия были принесены переселенцами с прежних мест их обитания. Авторы говорили и о необоснованности перемены многих из этих названий и необходимости серьезного изучения русской топонимии Сырдарьинской области. Авторы доклада «Некоторые вопросы унификации написания географических названий Казахстана» С. А. Абдраханов, К. Х. Ахмедиева, А. У. Маканова (Алма-Ата) поставили вопрос о необходимости унификации и стандартизации написания казахских географических названий на русском языке на основе официальной транскрипции.

В докладе А. А. Абдраханова (Алма-Ата) «Об этимологии некоторых древних гидронимов Южного Урала и соседних с ним районов» предпринята попытка, опираясь на данные гидронимии, по-новому поставить вопрос о времени заселения тюркскими племенами Южного Урала и соседних с ним районов. Докладчик отметил, что самые древние гидронимы указанного региона (р. Орь, Иргиз, Илек) встречаются в труде Геродота, написанном в V в. до н. э. О проникновении отдельных тюркских племен на территорию Южного Урала в этот период писали и некоторые исследователи (С. Е. Малов, Дж. Киекбаев). В. С. Картавенко (Смоленск) в докладе «К вопросу о топонимах» провела лексико-семантическую классификацию топонимов в памятниках деловой письменности Смоленского края XVI—XVIII вв. Как считает автор, это дает возможность проследить зависимость номинации от типа топонимического объекта, установить значение и территорию распространения дiachронных слов.

Л. А. Климова (Арзамас) в докладе «Арзамасские поместные акты 1578—1618 гг. как ономастический источник» отметила, что в этом региональном памятнике содержится богатый ономастический материал по междуречью Оки и Волги. В нем отражены антропонимические и топонимические тенденции конца XVI — начала XVII в. К. Т. Бойко (Москва) в докладе «Топонимические пласты в ойконимах Чувашии» выявила славянские, угрофинские, тюркские и другие пласты, изучение которых может послужить источником для исследования этнической истории народов, населявших эту территорию. Т. Нафасов (Карши) выступил с докладом «Азиатско-Поволжский ойконимический ареал *балык*». Докладчик утверждает, что этот компонент восходит к древнетюркскому, означающему «стена», «укрепление», «вал». Ю. Дмитриева (Чебоксары) в докладе «Имеется ли венгерский пласт в топонимии Чувашии?» показала ошибочность выводов В. А. Нестерова, сделанных в работе «Над картой Чувашии», о венгерском происхождении ряда чувашских топонимов. Докладчица полагает, что в процессе длительных чувашско-венгерских языковых связей имело место одностороннее влияние чувашского языка на венгерский. В докладе Т. П. Федянович (Москва) «Мордовско-русское взаимодействие в топонимии Мордовской АССР» показано, как давние и тесные контакты и взаимовлияния русских и мордвы отразились в топонимии Мордовской АССР. В. У. Махпиров (Алма-Ата) в докладе «Древнетюркская топонимия: опыт системного анализа» выделил два пласта в древнетюркской топонимической системе: один — субстратные топонимы, и второй, являющийся следствием аккультурации тюрков под воздействием различных факторов религиозного, культурного, политического характера.

На заседании секции «Микротопонимия» были заслушаны три доклада. А. Н. Кулин (Йошкар-Ола) выступил с докладом «Марийские топонимы с перским аппеллятивом *сord* и его вариантами, обозначающими разновидность леса», в котором были проанализированы географические названия северо-восточной части Марийской АССР. В докладе Л. Е. Кирилловой (Ижевск) «Удмуртские метафорические микротопонимы» были рассмотрены микротопонимы Удмуртии, в которых лексемы употребляются в переносном значении на основе сходства географических объектов с какими-либо предметами или частями тела человека. Н. В. Казанцева (Горький), выступившая с докладом «Названия полей в русских народных говорах Горьковской области»,

говорила об образовании и функционировании дифференцирующих названий полей в русских народных говорах.

Н. К. Фролов (Тюмень) рассмотрел тюркскую топонимию на *-ар* в Среднем Поволжье и Тюменском Зауралье.

Содержательными были доклады, заслушанные на секции «Гидронимия». В докладе Е. М. Поспелова (Москва) «Гидронимия Подмосковского Поволжья» рассмотрены названия рек северной части Московской области, которые имеют сток непосредственно в Волгу. В гидронимии этого региона представлены все топонимические пласты, зафиксированные в области. Одни гидронимы относятся к наиболее древнему для Подмосковья прафинно-угорскому типу (Шоша, Курга, Пихтома и др.), другие — балтийского происхождения (Лобь, Русса, Лама, Яуза). Небольшие притоки в системах главных рек имеют преимущественно славянские (русские) названия (Долгуша, Кунья, Городянка, Сенная и др.). У. Ф. Надергулов (Уфа) остановился на вопросе о происхождении гидронима Иргиз. В результате анализа большого круга гидронимов, образованных с компонентами *ыр + гуз*, он пришел к выводу, что гидроним *иргиз* восходит к древнетюркскому *ору + угуз* и этимологизируется как «родниковая, ключевая река». В докладе Б. А. Байтанаева (Чимкент) «К этимологии гидронима „Арысь“» выдвигалось предположение, что это название произошло в результате слияния индоевропейского компонента «ар» и угорского «ас». Приведенные в докладе В. Н. Поповой и Б. А. Байтанаева (Чимкент) «Гидронимические параллели Южного Казахстана и Поволжья» параллели свидетельствуют о былых связях Средней Азии и Поволжья.

На секции «Ойконимия и урбанонимия» интерес вызвал доклад И. Г. Добродомова и В. А. Кучкина (Москва) «К этимологии топонима Казань», в котором поддержана (с рядом уточнений) гипотеза американского филолога Э. Кинана, предложившего этимологию топонима Казань на базе осетинского варианта слова *хадзонег, квадзонег* — искривление, крик. Актуальная тема поднята в докладе А. Ш. Скворцовой (Казань) «Исторические названия улиц г. Казани — памятники языка и национальной культуры», в котором говорилось о необходимости восстановления исторически ценных названий улиц Казани, недопустимости тиражирования стереотипных, шаблонных их именовании.

Та же мысль о сохранении и восстановлении традиционных названий улиц Ташкента звучала в докладе С. К. Караева (Ташкент) «Городская топонимия (на примере внутригородских названий Ташкента)».

С. М. Стрельников (Златоуст) в докладе «О происхождении и бытовании топонима Златоуст» рассматривает этот топоним как ценный памятник культуры и истории, нуждающийся в охране.

В докладах секции «Ономастика и преподавание» были поставлены важные и полезные для преподавательской работы проблемы. Так, З. П. Никулкина (Кемерово) познакомила слушателей с проблематикой и программой спецкурса «Ономастическая лексикография», который является первым опытом преподавания студентам филологических факультетов, специализирующимся по лингвистике, ономастической лексикографии — науки о классификации и принципах составления словарей собственных имен. Авторы доклада «Ономастика Волгоградской области в чешских переводах» Л. Н. Костякова и Р. А. Подымова (Волгоград), проанализировав переводы поволжских названий из области географии, истории, культуры на чешский и словацкий языки, попытались установить наиболее приемлемое, на их взгляд, решение. На этой секции был заслушан также доклад О. А. Олейник (Волгоград) «Ономастика в изучении местного страноведческого материала студентами-нефилологами».

На заседании секции «Теонимия, космонимия, зоонимия и ктематонимия» были прочитаны доклады, посвященные тем разделам ономастики, которым до сих пор достаточного внимания не уделялось. Доклад А. М. Очировой (Элиста) «Космонимы Калмыкии» подготовлен на основе полевых материалов, собранных по «Вопроснику для собирания космонимов Поволжья» (составленному В. Д. Бондалетовым и В. А. Никоновым) от информаторов русской и калмыцкой национальности.

Два доклада были посвящены зоонимии. Это доклад Т. В. Линко (Алма-Ата) «Зоонимические системы в казахском языке и говорах Поволжья», автор которого выделяет в зоонимической системе русского и казахского языков две подсистемы по сфере использования — народные и зоотехнические клички с различной семантикой. Т. П. Романова (Куйбышев) выступила с докладом «Официальная и неофициальная иппонимия (на материале кличек лошадей Куйбышевской области)». Проведя сопоставление официальных и неофициальных кличек лошадей по ряду аспектов, она пришла к выводу, что такой подход способствует выявлению общей типологии зоонимической лексики, а также своеобразия каждой из этих систем. В докладе И. В. Крюковой

(Волгоград) «Названия промышленных предприятий г. Волгограда как объект ономастического исследования» рассмотрены три принципиально разные структурно-семантические типа наименований промышленных предприятий Волгограда. Все заслушанные на секции доклады вызвали живой интерес аудитории; докладчикам были заданы многочисленные вопросы, состоялось обсуждение докладов.

На секции «Ономастика в художественной литературе и фольклоре» Г. А. Силаева показала роль В. А. Никонова в становлении теории и практики литературной ономастики. В коллективном докладе Т. М. и Н. Д. Гариповых и Ч. Р. Мударисовой (Уфа) сделана попытка определить место ономов в языке художественного перевода на материале произведений писателей автономных республик Поволжья.

Л. М. Шелгунова (Волгоград) в докладе «Именованная персонажей в русской реалистической художественной прозе» отметила, что именованная является средством создания динамики художественного образа, выполняющая ответственные сюжетные функции. О. И. Фоякова (Ленинград) выступила с докладом «Параметры системного изучения имени собственного в художественном тексте (на материале автобиографической трилогии А. М. Горького)», в котором поставила проблему обоснования принципов системного анализа имени собственного в художественном тексте. И. И. Турута (Днепропетровск) проанализировала функции, сферы употребления, способы введения в контекст и т. п. прозвищ в художественной речи А. М. Горького. Е. В. Князева (Волгоград), выступившая с докладом «Ономастика Сталинградской битвы в поэме Мумина Канюата „Голоса Сталинграда“», отметила, что в поэме хорошо прослеживается связь поволжской и таджикской ономастики.

На секции «Общие вопросы ономастики» два доклада были посвящены изучению состава и функционирования имени собственного в произведениях В. И. Ленина. Это доклады Г. Я. Деметьевой (Целиноград) «Ономастическая лексика в произведениях В. И. Ленина» и А. В. Володько (Минск) «Ономастические дериваты галлицизмов в языке В. И. Ленина». К. Хенгст в докладе «Ономастика Поволжья в немецкой поэзии Пауля Флеминга 1636 и 1638 гг.» впервые исследовал в ономастическом плане стихи о России известного немецкого поэта Пауля Флеминга (1609—1640). Для ареала Волги это первые немецкие тексты, где зафиксированы этнонимы, гидронимы и топонимы. О топонимии территорий позднего заселения, в частности Волгоградской области, шла речь в докладе Р. И. Кудряшовой и А. А. Северьяновой (Волгоград) «Своеобразие ономастики территорий позднего заселения». Тема вторичной ономастической номинации затронута в докладе Е. А. Бурмистровой (Рига) «Топонимы Поволжья в названиях произведений живописи».

На втором, заключительном, пленарном заседании было заслушано 4 доклада.

Е. Н. Полякова (Пермь) подвела некоторые итоги изучения отдельных вопросов русской антропонимии Прикамья на протяжении двух последних десятилетий и отметила, что за это время накоплен большой материал для обобщающей работы, которая могла бы явиться одной из составляющих «Русской исторической антропонимии». Она наметила ряд проблем, нуждающихся в решении для осуществления этой задачи.

С большим интересом был заслушан и доклад Т. А. Исаевой (Горький) об урбанонимии (совокупности собственных имен внутригородских объектов) г. Горького. В докладе А. Г. Митрова (Элиста) «Топонимические катаклизмы в Калмыкии» говорилось о необходимости восстановления географических названий, исторически сложившихся на территории проживания калмыцкого этноса. Н. Х. Максютова (Уфа), рассмотрев тюркские космонимы и связанные с ними легенды, поверья, приметы, отметила, что они содержат интересный материал для изучения мироощущения, мироощущения, фантазии, художественного восприятия человеком космических тел.

Шестая конференция по ономастике Поволжья, по единодушному мнению ее участников, прошла успешно. Они выразили благодарность оргкомитету за четкую организацию работы, за содержательную и разностороннюю культурную программу, которая дала возможность познакомиться с культурной жизнью Волгограда, его славным историческим прошлым.

Т. П. Федянович

Примечания

¹ Шестая конференция по ономастике Поволжья. 26—28 сентября 1989 г. Тез. докл. и сообщ. / Редколл.: Р. Ш. Джарылгасинова, А. А. Северьянова, В. И. Супрун, Т. П. Федянович. Волгоград, 1989. 179 с.